

врачи врачах

НОВЕВ КОВЧЕГ
..... ДОКТОРА .....
ТОЛМАЧЁВОЙ
ИРИНА СТЕПАНОВСКАЯ

Доктор Толмачёва

Ирина Степановская

Ноев ковчег доктора Толмачёвой

«ЭКСМО»

2011

Степановская И.

Ноев ковчег доктора Толмачёвой / И. Степановская — «Эксмо»,
2011 — (Доктор Толмачёва)

ISBN 978-5-699-53797-6

Принято думать, что врачи всемогущи – им под силу победить болезнь и даже смерть. Но мало кто задумывается о том, что они такие же люди, как все, – им также бывает одиноко, они также тяжело переживают предательство, также хотят счастья. Доктор Толмачева понимает, что пропадает без любви, без столь необходимой ей работы. Где все те люди, которые окружали ее раньше? У них своя жизнь. Где ее любимый? Он здесь, рядом, но только любит ли он ее? Или погружен в собственную жизнь, в свои тревоги и неудачи? И зачем ему ее мир – с чашкой горячего чая в чисто убранной кухне, с огромной доброй собакой и коричневым мышонком, так похожим на заведующего отделением патологической анатомии? Оказывается, не так уж сложно создать в отдельно взятой квартире свой мир, свой Ноев ковчег, но как же трудно оставаться в нем мудрой, справедливой и любимой...

ISBN 978-5-699-53797-6

© Степановская И., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

1	5
2	7
3	12
4	18
5	23
6	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Ирина Степановская

Ноев ковчег доктора Толмачевой

- Встретились два приятеля.*
- Ты не мог бы мне порекомендовать хорошего врача?*
  - Конечно. Доктор Иванов.*
  - А почему именно он?*
  - Он спас меня от смерти.*
  - Как это?*
  - Да я заболел и пошел к доктору Петрову. Он дал мне лекарство, и от него стало хуже.*
  - Ну?*
  - Тогда я пошел к Сидорову. Тот дал другое лекарство, и после него я уже даже ходить не мог.*
  - Ну а дальше?*
  - Вот тогда-то меня и привезли в клинику к Иванову.*
  - Слава богу! Он-то тебя и вылечил?*
  - Нет. Он в тот день, к счастью, не пришел на работу.*

1

Центр медико-биологических исследований имени Ганса Селье располагался в парижском пригороде. Но вряд ли кто-то назвал бы словом «пригород» эти широкие дороги, огромные корпуса, прекрасные, в несколько уровней, транспортные развязки, зеркальные переходы между проездами и зданиями. Скорее новый, современный, даже фантастический город науки. Правда, там было мало деревьев, но среди стекла и бетона то тут, то там виднелись прудики, бассейны и фонтанчики, на каменных плитах стояли кадки с растениями, каждый свободный клочок превращен в газон, по камням ползли гроздья цветущих роз – и все это вместе производило на Таню впечатление прекрасного города будущего. Способствовала этому и скульптура на главной площади научного городка: установленный на каменном постаменте чугунный кулак с поднятым кверху большим пальцем – в выемку между пальцем и ладонью обычно забивались туристы, чтобы сфотографироваться.

Однако через несколько месяцев работы в Центре счастье постепенно рассеялось. Внимание к архитектуре притупилось, огромные примитивистские статуи, которые в Париже считаются современным искусством, начали раздражать. Таня перестала умиляться и цветущим розам («а что бы им не цвести, если климат позволяет?»), и маленьким фонтанчикам, в которых никто не стремился искупаться даже в самую жару («зачем купаться в фонтанах, если кругом полно спортивных комплексов с бассейнами?»).

Был даже период, месяцев через восемь после того, как она приехала работать во Францию, когда ей наскучило абсолютно все: и сам Париж, и исследовательский центр, и собственно работа в лаборатории клинической биохимии, которой руководила мадам Гийяр. И каждым следующим утром, когда Таня шла от автобусной остановки к «своему» корпусу, ей все больше хотелось плюнуть на все и развернуться. Достать банковскую карточку, отдельную, отложенную подальше, на которой хранились деньги на обратный билет, и вернуться в Москву, домой.

Спасла Таню от депрессии чешка Янушка, такая же, как Таня, «стажер-исследователь». Янушка работала в лаборатории мадам Гийяр на целый год дольше Тани и жила в том же кампусе – городке для студентов и молодых ученых.

– То, что ты чувствуешь, – это и есть ностальгия, – объясняла Янушка Тане. – Делать с этим ничего не надо, у большинства проходит само. У меня тоже сначала так было. Ужасно скучала по дому, по родителям, по младшему брату, плакала по ночам. А теперь привыкла, могу жить где угодно – хоть в Африке, хоть в Азии. Главное для меня – нигде не оставаться надолго. Чувствовать себя везде как в гостях. Поработал, узнал страну – и дальше. Земля такая большая! Всюду хочется побывать. Если б я была христианкой – я бы пошла в монахини, чтобы работать в разных странах, помогать женщинам, бедным, больным. . .

– Ты и так как монахиня, – замечала Таня. – Монахиня, только от науки.

– Разве это заслуга? Это образ мышления, я ведь буддистка, – парировала Янушка, попивая вместе с Таней в каком-нибудь кафе воду с лимоном. – Работаю, наслаждаюсь Парижем, мечтаю, что, когда срок моей стажировки закончится, смогу устроиться на работу в какое-нибудь учреждение типа МАГАТЭ и ездить по всему миру.

– А какая страна тебе все-таки больше нравится? – допытывалась Таня.

– Ну конечно, моя родная Чехия. Только она очень маленькая для меня. Я вернусь домой, когда стану старой.

Таня думала о себе: «А я, хочу ли я вернуться домой?» И не знала, хочет или нет. Скорее, не хочет. Что дома хорошего? Жить опять с родителями, работать черт знает где. . . Но в главном Янушка оказалась права. Через какое-то время Танина депрессия прошла сама собой – так же неожиданно, как и началась. Каждый день, кроме выходных, Таня бодро вставала в семь утра, садилась в кампусе в автобус и ехала несколько остановок, пересекала широкую площадь с чугунным кулаком посередине, деловым шагом входила в «свою» лабораторию и принималась за работу.

Однако чем ближе становился срок окончания стажировки, тем больше Таня нервничала – от неопределенности положения и даже в какой-то степени от ущемленной гордости, ведь в лаборатории мадам Гийяр она – самый способный исследователь. «Включая саму мадам Гийяр», – не без издевки думала она, поглядывая на начальницу, восседавшую в кабинете, отделенном от комнаты стажеров сплошной стеклянной перегородкой.

Однако, по слухам, никого из стажеров до сих пор на работу в Париже не оставляли. А если так, то чего уж было изо всех сил стараться каждый день с девяти до пяти? Таня дурочкой не была, поэтому заранее разослала резюме в несколько похожих исследовательских центров по всему миру и теперь ждала ответа.

2

Февраль в Москве выдался снежный. Основные холода уже прошли, и в конце месяца даже стало проглядывать солнце, но временами зима не уступала свои права, и на улице мело, мело...

В такие дни Валентина Николаевна Толмачёва, когда-то хороший врач-реаниматолог, а теперь просто неработающая и не совсем здоровая почти сорокалетняя женщина, не любила выходить из квартиры – боялась упасть. После операции по удалению надпочечника¹ любые сотрясения тела были ей противопоказаны. Об этом предупредил Валентину коллега и спаситель Аркадий Барашков, да она и сама понимала всю относительность благополучия ее состояния. Но сейчас и в ее маленьком мирке было неплохо. Как только перестала болеть послеоперационная рана, Тина с бешеной энергией принялась устраивать свой немудреный быт. Даже странно было вспоминать, как до операции ее не волновало, чисто ли в доме, есть ли в холодильнике еда, лежат ли на столе чистые салфетки... Небольшую свою квартирку и ее нынешних обитателей Толмачёва теперь с нежностью называла Ноевым ковчегом. А жителей в этом ковчеге, не считая ее, было всего трое.

* * *

Как приятно посидеть вечерком в чисто вымытой кухне за чашкой чая! Тина взглянула на настенные часы. Половина седьмого. Однако, пожалуй, самое время вымыть посуду. Всей-то посуды – чашка да ложка, но скоро, наверное, придет Азарцев. Тина даже боялась вспоминать, какой грязнулей и неумехой она выглядела в его глазах всего каких-нибудь четыре месяца назад. Но это было до операции. Теперь она делила жизнь на «до» и «после».

Сквозь чистые шторы синело вечернее небо. Качались за окном на ветру голые ветки каштана. Тина улыбнулась: скоро весна. Как она любила время, когда на каштане вровень с ее балконом распускаются желтовато-розовые соцветия, будто огромные эскимо! Она прикрыла глаза, представив цветущее дерево. Надо же, в больнице у нее рос под окошком клен, здесь – каштан! И давно когда-то у нее была еще одна знакомая пальма. «Пожалуй, стоит включить эти три растения в круг близких друзей».

С коврика привстал, прислушиваясь, сенбернар Сеня. Вышел в крохотный коридорчик, подошел к двери. Тина от раковины из кухни увидела, как его хвост месит воздух, будто лодочный руль проворачивает воду.

– Володя идет? – спросила она.

Сенбернар не гавкнул, только сильнее завилял хвостом. В замке провернулся ключ, открылась дверь, и в коридор действительно кто-то вошел. Тина подождала, замерев у раковины, прислушалась. Конечно, это Володя. Ни у кого, кроме него, нет ключа. Но почему он молчит, не проходит в комнату?

Она осторожно выглянула. Азарцев навалился спиной на дверь, снял черную шерстяную шапку, закрыл ей лицо и так замер. Сеня подошел, ткнулся мордой в его промокшие на коленях брюки. Азарцев постоял, потом сполз спиной по двери, сел на корточки. Не глядя, положил руку на Сенину голову и остался сидеть. Сеня молчал, и Азарцев молчал.

Тина еще подождала, потом снова спряталась в кухню. Вздохнула. Никакого движения. Она вытерла руки – по старой врачебной привычке не терла их, а промокала полотенцем, стянула с шеи фартук, неслышно прошла в коридор.

---

¹ Об этом рассказывается в книге Ирины Степановской «Круговая подтяжка» (М.: Эксмо, 2011).

– Володя?..

Азарцев вздрогнул, отнял от лица шапку, открыл глаза, виновато улыбнулся.

– Ты, оказывается, дома? В коридоре было темно, я тебя не заметил.

Он стал снимать куртку.

– В кухне же был свет. И вода шумела...

– Я не расслышал.

Тина в недоумении взяла его промокшую куртку, повесила на плечики.

– На улице дождь?

– Скорее снег. Мокрый, в дождь переходящий временами.

Азарцев наклонился, стал снимать ботинки. Тине показалось, что он прячет глаза. Она ласково отстранила сенбернара, хотела что-то спросить.

– Володя...

– Что?

Он поднял глаза от пола. Наивная улыбка. Как маленький мальчик, принесший из школы дневник с плохой отметкой. Она не стала спрашивать.

– Вот твои тапочки.

– А-а. Спасибо. – Явное облегчение на его лице. – Да, чуть не забыл! – Полез в карман куртки, достал сверток.

– Что это?

– Приятель отдал.

Тина заглянула внутрь. В пакете лежал большой кусок толстой пресной лепешки и полкольца копченой колбасы.

– Где ты взял?

– Я же сказал, приятель отдал.

– Какой приятель?

Азарцев помолчал, потом нехотя пожевал губами.

– Ну, я его встретил.

– Где?

Он отвернулся, зачем-то стал перевешивать куртку.

– Володя... ты что-то скрываешь от меня?

Он вскинул глаза.

– Ты же не хочешь, чтобы я говорил неправду?

– Не хочу. Ты скажи правду.

Он вздохнул.

– А этого я не хочу.

– Почему?

– Слишком сложно.

Она отвернулась.

– Ну, не говори, если не хочешь.

Тина пожалала плечами, ушла со свертком в кухню. Спросила уже оттуда:

– Володя, я отдам колбасу собаке? У Сени уже неделю не было ничего, кроме сухого корма.

– Я тебе принес. Делай, как хочешь.

Азарцев прошел в комнату, лег поперек постели, не поднимая ног.

Тина осмотрела колбасу, понюхала.

– Вкусно. Знаешь, я лучше ему на шкурках кашу сварю, а с колбасой тебе завтра сделаю яичницу...

Она принялась колдовать у плиты. Сенбернар протрусил в кухню. Тина посмотрела на него, все-таки отломила от принесенной Азарцевым лепешки кусок, отрезала несколько коле-

сиков колбасы, положила на лепешку и дала Сене. Крошки аккуратно стряхнула на маленькое блюдечко. Азарцев полежал еще немного, поднялся, пошел к ней.

– На, возьми, – Тина протянула ему блюдце с крошками. – Покорми мышь.

Четвертый обитатель Ноева ковчега – мышонок по имени Дэвид Ризкин – жил в клеточке, стоявшей в комнате на выступе старого серванта из карельской березы. Золотисто-лиловые ирисы на витражах свидетельствовали о благородном происхождении мебели. Этот сервант да еще большая синяя ваза начала двадцатого, расписанная оранжевыми петухами, были самыми ценными вещами в скромной Тининой квартирке.

Азарцев поморщился, но взял блюдечко, открыл дверцу в клетку и осторожно, будто мышонок мог его укусить, поставил блюдечко внутрь. Снова залег на постель. Полежал немного и снова вернулся в кухню.

– Чай есть?

Тина спиной чувствовала его передвижения.

– Есть. В пакетиках.

– Я заварю?

Она обернулась.

– Ну что ты спрашиваешь? Конечно.

Он заварил себе в кружке чай, не подогревая чайника, подул, отпил несколько глотков.

– Уже не горячий.

Тина обернулась от раковины.

– Зачем же ты дул?

Он усмехнулся.

– А ты все видишь... Спиной. Какая у тебя удивительная способность... Я вот никогда не замечаю, кто что делает, даже если смотрю.

Он вытянул ноги, заняв ими полкухни, и надолго замолчал. Тина, тоже молча, тщательно протирала разделочный столик.

Да, с Володей были проблемы. Лишившись своей клиники², он будто повторил симптомы прежней Тининой болезни – не мог найти себе никакого занятия, часами лежал в постели, лениво перелистывая анатомические атласы, как когда-то она листала альбомы. Правда, много не пил.

Раскаяние по отношению к Тине у него не прошло, а приняло болезненную форму. Вместо самобичевания он ударился в другую крайность: теперь ему казалось, что он стал для нее обузой. Ведь это она кормила его, ухаживала за ним. Правда, у Азарцева еще оставалась собственная квартира – маленькая «двушка» на Юго-Западе Москвы, но, переехав к Тине, он хотел квартиру продать, чтобы жить на эти деньги, пока жизнь его не устроится по-новому. К счастью, Валентина Николаевна все-таки сумела уговорить его не делать такого рискованного шага.

– Где же будет жить твоя дочка, когда выйдет замуж?

Этот аргумент оказался для Азарцева самым весомым. Тина подозревала, что Оля, дочь Азарцева от его неудачного брака, оставалась единственной святыней в его жизни. Хотя и по отношению к дочери Володя чувствовал неудобство. «Ей внушают, что ее отец – никчемный человек, неудачник. По сути, так и есть. И чем я могу помочь своей девочке? Любовью? – Он горько усмехался. – Жизнь приучает к тому, что детям нужны от родителей деньги и связи. Это куда более весомый аргумент, чем любовь...» Из-за Оли он продал свою машину. «Зачем мне машина, если мне некуда ездить?» Деньги он тоже отдал дочери. «Будешь выходить замуж – это вместо свадебного подарка». – «Да я не собираюсь, папа!»

---

² Об этом вы можете прочитать в книге И. Степановской «Круговая подтяжка» (М.: Эксмо, 2011).

Но, отдав последнее, Азарцев вдруг почувствовал себя легче. Хотя все равно Олю видел редко: ему было стыдно за себя, за свою неприкаянность, за то, что позволил все у себя отобрать, – но изменить он ничего не мог.

Приблизительно раз в месяц он звонил дочери, и когда они встречались где-нибудь в метро, неловко совал ей в руку деньги.

– Да мне не надо, папа, мне мама дает. – Оля смотрела на него как на больного, так, во всяком случае, казалось Азарцеву. Он поворачивался и быстро уходил.

Эти ежемесячные деньги для Оли тоже регулярно выдавала Тина. Это она взяла на себя труд сдать Володину квартиру, общаться с арендаторами, и она же решила деньги от аренды делить пополам. Половину – Оле, а другую половину – им с Азарцевым на жизнь. Тина посчитала, что это будет справедливо. Она смотрела на свой маленький Ноев ковчег, как раньше на отделение реанимации, которым когда-то заведовала, – очень ответственно.

Ее, брызжущую после операции любовью к жизни и всему миру, тяготило молчаливо-созерцательное времяпрепровождение Азарцева, но она все ждала, что вот-вот – и в Володе что-то изменится. Она была терпелива и вспоминала себя, свое состояние. «Мы просто поменялись ролями», – думала Толмачёва. Ей ведь тоже невольно было после краха ее отделения, после предательства бывшего мужа³. Может быть, и опухоль-то в надпочечнике у нее развилась после этого...

Тина понимала: у Азарцева депрессия. Сколько она продлится? Тина с тревогой вглядывалась в Володино лицо. Не бедность ее пугала. Что бедность? Тина надеялась, что пройдет еще немного времени, настанет весна – и она устроится на работу. Ничего, она их всех прокормит! Ее пугала скудость его чувств. Володя будто застыл – не жил.

Она его не узнавала. Куда подевались упругая походка, привлекательная стройность фигуры, мягкий улыбчивый взгляд? Теперь Азарцев передвигался, как молодой старик: ходил сутулясь, мелкими шагами, говорил негромко, ел без всякого аппетита, благодарил ее за всякий пустяк преувеличенно и как бы униженно и, казалось, не мог ни о чем думать, ни на чем сосредоточиться и ничего не чувствовал. Не возмущался несправедливостью, случившейся с ним, не горевал вслух, но не пытался что-то исправить – и категорически не хотел начинать все сначала.

– Хватит уже: дважды начинал, и дважды все рушилось. Первый раз – чуть не посадили, второй – чуть не убили. И оба раза все отобрали. Видно, предпринимательство – дело не мое.

«Что с ним будет?» От этих мыслей Тине становилось страшно. Обретя Володю, она очень боялась его снова потерять. «Мужчины гораздо слабее женщин. Труднее восстанавливаются, хуже адаптируются». Сколько раз на своей прежней работе она наблюдала – что-то не так, и... Сколько самоубийц привозили к ним в реанимацию! Большинство не выживали. И Тина гнала, гнала от себя эти ужасные мысли.

Однако когда Володя куда-то уходил, без предупреждения, как сегодня, и она оставалась в квартире одна, она чувствовала себя гораздо счастливее, чем с ним. Ничто не могло ее заставить перестать радоваться самым простым вещам: теплой пятнистой шерсти собаки, игре мыльной пены на тарелках или в ванной, каждому новому листочку комнатного цветка. И Тина переживала из-за этого, ругала себя: «Как могу я радоваться жизни, когда ему так плохо?» Но стоило Володе в очередной раз уйти – и радость изливалась из нее, как неудержимо прет из кастрюли забытое хозяйкой тесто, как лезут к солнцу одуванчики, как весной находит выход к земле по щелям талая вода.

И еще: когда Азарцева не было, Тина выпускала погулять из клетки мышонка Дэвида. Володя, проявляя лояльность к сенбернару, начисто отказывался признавать за личность мышь.

---

³ Об этом вы можете прочитать в книге И. Степановской «Реанимация чувств» (М.: Эксмо, 2011)..

– Нельзя ли этого Дэвида кому-нибудь подарить? Подарил же тебе Барашков сенбернара? Я не за себя беспокоюсь, за тебя. Ты что, не знаешь, что мыши являются первейшими разносчиками гепатита? – тихим голосом спрашивал он.

– Если бы Дэвид был разносчиком, я бы давно уже заболела.

Она с сожалением сажала Ризкина назад в клеточку, а тот, оказавшись под замком, будто нарочно, сердито зыркал на Азарцева черными круглыми глазами. Когда Азарцев уходил из дома, Тина садилась на небольшой коврик возле дивана, подзывала к себе Сеню, доставала из клеточки Ризкина. Сеня клал голову ей в колени, Дэвид отправлялся гулять по ее рукам, по животу, по боку собаки – и в эти минуты душа Тины пребывала в покое и тихой радости.

Приходил Азарцев – Тина снова становилась грустна, молчалива, подыгрывала его настроению. Но на Азарцева никогда не сердилась. Исчезли ревность, обида и злость. «Он – несчастливый, – думала она. – Милый, умный, приятный, интеллигентный, но несчастливый. Не везет ему, за что бы ни взялся. И родители рано умерли, и женился неудачно, и с работой... – Тина вздыхала: – Да мы похожи. Мне ведь тоже в жизни не больно везло». Но, улыбалась Валентина Николаевна, она характером будет все-таки посильнее! И счастье, что Азарцеву нужна именно она, Тина, а не эта хамка – его бывшая жена. И она, Тина, обязательно должна помочь ему подняться и начать жить заново. Ведь он еще молод, сорок будет только на будущий год. Помочь Володе ощутить свою нужность, вернуться в профессию, получить возможность оперировать – это все может сделать только она. Но как? Этого она еще пока не знает.

Тина задумывалась: задача не из легких. И было очень важно, чтобы Азарцев действительно полюбил ее, Тину. Чтобы понял, что она и есть та самая единственная женщина в его жизни, без которой жизнь не в жизнь. Ведь она-то теперь любит его всей душой! Но пока, вздыхала Валентина Николаевна, она для него просто соломинка, за которую цепляется утопающий. Как бы она ни хотела, как бы ни старалась, не может пока достучаться до Володиного сердца. Он несет без нее свою муку. Может быть, стесняется рассказывать о своих мыслях, может, не хочет быть до конца откровенным... Кстати, Тину очень смущало, что и спали они тоже порознь, хотя и в одной постели. Как старики, под разными одеялами – не сплетаясь в объятиях, не находя наслаждения и умиротворения друг в друге. «Спокойной ночи» – и каждый сам по себе. Но что об этом думал Азарцев, она не знала, а спросить боялась.

3

В прошлом году Татьяне исполнилось двадцать семь. После почти двух лет жизни в Париже она внешне сильно изменилась. От «русских» форм осталось не так уж много (но худоба Таню не портила), исчезло роскошное платье из голубой чешуи, и лакированные туфли на высоченных каблуках, и блестящее кожаное пальто, в которых она ходила в Москве на работу в больницу. Как-то сразу Таня перестала укладывать волосы локонами, красить губы яркой помадой. И вообще вещей у нее стало мало: купленный на распродаже в «Галери Лафайет» классический брючный костюм с голубым топом, подходящий почти ко всем случаям, темная куртка, светло-серый шарф, сумка через плечо – вот и все. Но все равно, когда она шла по-весеннему теплым парижским утром от остановки автобуса через площадь к своей лаборатории, молодые афропарижане, вечно кучковавшиеся возле фонтана, провожали ее одобрительными взглядами.

«Если у нас сейчас без пятнадцати девять, то дома – почти одиннадцать». Таня торопливо огибала «кулак» и не обращала внимания на зевак. Она достала из сумки мобильный телефон и поочередно набрала номера родителей. Никто не ответил. «Нет у мамы с папой времени на дочку, заняты, как всегда. У отца, наверное, какой-нибудь ученый совет, мама – с аспирантами. С девочкой, дорогой, единственной, некогда поговорить. – Она с сомнением посмотрела на мобильник. – А может, вообще умотали куда-нибудь? В феврале, к примеру, на Урал, на лыжах, с тяжеленными рюкзаками – это как раз в духе моих ненормальных родителей. И возраст их не меняет...» Но то, что в Москве не нравилось в родителях с детства, из Парижа вызывало умиление и гордость. «Другие ездят на Бали, а мои – на Урал. Сумасшедшими были, сумасшедшими и остались! Но все-таки как я их люблю, моих несовременных стариков!»

Таня вошла в «свой» корпус. Очередная каменная баба, стоящая в вестибюле в круглой каменной чаше, выплюнула ей навстречу струю воды прямо из пупка.

«Надо будет поехать вечером в центр и позвонить домой из автомата, – подумала Таня. – Если застану, поболтать с родителями подольше. Сказать, что обязательно скоро приеду в Москву хоть на неделю». Тут Таня вспомнила, что в конце месяца ей должны сообщить, заключат с ней контракт на дальнейшую работу или отправят домой. Это воспоминание испортило ей настроение. «Нет, все равно. Как бы ни сложились ее дела, домой надо приехать. Соскучилась...» Таня усмехнулась. Как странно звучит это слово применительно к ней. Она и не думала раньше, что способна скучать, особенно по родителям, считала себя рациональной, одинокой, решительной... И вдруг сам собой всплыл в глазах домашний обеденный стол, хлопочущая вокруг него мама. Ах, съела бы она, Таня, сейчас крылышко мамой приготовленной курочки! А потом посидела бы немного и еще съела бы ножку с запеченной в духовке картошкой и морковкой, порезанной крупными колесиками! И селедку «под шубой», и праздничный торт с орехами... И вовсе не для того, чтобы объесться, а из желания посидеть вместе за столом с родными людьми.

Двери лифта раскрылись на двадцать седьмом этаже.

– Salut, Tanya!

Это Али, жемчужнозубый араб из какой-то африканской страны с труднопроизносимым названием. Тонкий, гибкий, с вечно загадочной улыбкой на красиво очерченных губах. Тоже стажер из их лаборатории.

– Salut, Alie! Как дела?

– Ça va bien.

Али побежал куда-то, покачиваясь и вихляя. Таня взглянула на часы. Без пяти девять. Как бы рано она ни пришла, он уже здесь. Интересно, он ночевать-то уходит? Али – ее конку-

рент. Таня замечала, что мадам Гийяр чаще других вызывает его к себе за стеклянную перегородку.

Пластиковые двери в лабораторию раздвинулись сами. Таня кинула взгляд влево – мадам Гийяр еще нет. Хотя обычно она в это время уже сидит за своим столом, поблескивая очками. Янушкино место тоже пусто – подруга сегодня уехала в другую лабораторию. И Камиллы нет – эта всегда приходит последней. Камилла – испанка. В Париже для нее слишком холодно, у Камиллы вечно насморк, и говорит она в нос, неразборчиво, как Патрисия Каас.

Таня сняла куртку, повесила в шкаф, села на свое место. Ага, вот и деловое, но в то же время какое-то серенькое «Бонжур!» мадам Гийяр и гнусавое «Салют!» Камиллы. Они вошли вместе, но мадам Гийяр уже без пальто. Значит, пришла раньше и посетила начальство. Интересно, решается ли уже вопрос о том, кого из стажеров оставить? Но по лицу мадам Гийяр никогда ничего не узнаешь. Скучная коричнево-серая утка в очках. «Француженка называется!» – фыркнула Таня.

Собственно, настоящей француженкой в лаборатории была только «доктор Гийяр», и то родилась она не в Париже, как Таня случайно узнала от Янушки, – мадам Гийяр была родом из Лиможа, местности, знаменитой производством стеклянных изделий и знаменитых эмалей. Хоть Лимож и находится в географическом центре Франции, но для Парижа определенно считается провинцией. Как у нас подмосковная Гжель или черт знает где расположенная Хохлома. Поезд до Лиможа идет примерно столько же, сколько от Москвы электричка до Рязани. Насколько жители Рязани отличаются от москвичей, настолько и лиможцы не похожи на парижан. Во всяком случае, ни во внешности, ни в характере мадам Гийяр Таня не замечала ни особенного французского остроумия, ни какого-то специального шарма. И уж тем более мадам Гийяр не блистала красотой. Если бы Таня встретила ее в московском метро, приняла бы за провинциальную учительницу математики, приехавшую в Москву на какой-нибудь учительский съезд.

– Но, между прочим, очки у нее в настоящей золотой оправе, – как-то однажды после бокала красного вина заметила Янушка, когда они с Таней обедали в каком-то маленьком кафе.

– Неужели в золотой? – со скрытой иронией осторожно уточнила Таня.

Разговор происходил месяца через четыре после ее приезда в Париж. Таня уже стала привыкать к тому, что в лаборатории никто ни с кем в русском понимании этого слова не разговаривает. «Да», «нет», формальное приветствие-вопрос «Как дела?» – остальное все только по работе. Да и по работе разговоры совсем не такие, как дома, в Москве. Господи, сколько раз она вспоминала, как заведующая их отделением Валентина Николаевна Толмачёва стимулировала сотрудников выписывать медицинские журналы, как сама зачитывала вслух самое интересное, как во время краткого отдыха они обсуждали новые научные факты или спорили, как относиться к тому или другому событию в мире или к очередной медицинской сенсации! Собственно, Таня тогда эти разговоры не любила. В основном вещал Аркадий Петрович Барашков. Ее ровесница, клинический ординатор Маша по прозвищу Мышка, тихо и внимательно слушала, а она, Таня, только презрительно фыркала:

– Спорьте не спорьте, но ни в политике, ни в науке вы все равно не сможете ничего изменить.

За это Барашков ее, кажется, даже презирал. А вот другой доктор, Ашот Оганесян, в примирение говорил, что красивая женщина должна служить украшением общества и ей вовсе ни к чему разбираться в том, как это общество устроено. Где теперь эти беседы и где теперь милый Ашот? От кого-то она слышала, что Оганесян уехал в Америку.

Впрочем, беседы, наверное, в отделении все те же. Русские без бесед не могут. Родители, сколько она себя помнит, беседовали в кухне за чаем, когда она маленькой уже была уложена спать. Она привыкла засыпать под тихое журчание их голосов о науке, о политике... Таня хорошо запомнила вечер, когда родители собрались бежать защищать Белый дом. Она высо-

чила тогда из постели босиком на холодный пол и закричала, чтобы ее не бросали одну. Родители постояли в коридоре, поглядели друг на друга, и мама первая стала расстегивать пальто. Они остались, но Таня слышала, как они просидели всю ночь возле приемника. Она все боялась, что, когда она заснет, они все-таки уйдут: как же она будет жить совсем одна, если с ними что-нибудь случится? И хоть была еще маленькая, на всю жизнь запомнила, что нужно думать прежде всего о себе и своей семье, а политикой пусть занимаются другие.

Вот в Париже в лаборатории каждый и думал только о себе. Мыслями никто ни с кем не делился, а уж тем более – результатами опытов. Каждый знал только свой непосредственный участок работы, результаты докладывал только мадам Гийяр (и то не обсуждал их с ней, а просто копировал в компьютер данные), а мадам Гийяр уже помещала эти сведения в свой отчет, в котором сводила все результаты. И почему-то, если в России такой подход казался Тане правильным – пусть каждый отвечает сам за себя, то во Франции обнаружилось, что такая индивидуальная работа неинтересна и теряет для исполнителя смысл и значимость.

«Они специально никому ничего не рассказывают, чтобы стажеры, распolzшись потом по всему миру, не растащили их идеи. Наоборот, они с нас хотят содрать побольше в обмен за предоставленную возможность работать во Франции, – думала Таня. – Но как же можно развивать научную идею, если твоя работа попадает в прорву? Сдал материал – и никто не ставит тебя в известность, правильно ты работал или нет, удовлетворительны ли полученные тобой результаты и привели ли они к какой-нибудь цели, к какому-то пусть маленькому, но итогу?» Но в лаборатории мадам Гийяр царил заговор молчания. Все равнодушными голосами спрашивали по утрам друг у друга дежурное «Как дела?» и снова углублялись в свои пробирки и компьютеры.

Человеческие отношения установились у Тани только с Янушкой, которая, во-первых, принадлежала к славянской культуре, а во-вторых, очень напоминала Мышку.

«Ну что ж, – Таня уселась за свой компьютер. – Пора приниматься за дела». А кстати, почему это блок питания такой подозрительно теплый? Как раз где подсоединены провода. Что это? Ее компьютер включали без нее? А кто был в комнате, когда она вошла? Никого. Только Али попался навстречу, когда она выходила из лифта.

У Тани уже не в первый раз возникало ощущение, что в ее отсутствие кто-то залезает в ее компьютер. Хорошо, что все данные запаролены. Ох, не верит она здесь никому – ни белозубому Али, ни гнусавой Камилле! А может, это мадам Гийяр рылась в ее результатах?

Таня задумалась. А мадам-то это зачем? Таня и так передает ей все полученные данные, честно пишет выводы. Может, не доверяют? Или доверяют, но проверяют?

Таня закусила губу. Нет, мадам не будет шпионить. Несolidно. Кстати, Тане раньше все хотелось узнать, как мадам зовут. На ее карточке написано «Доктор медицины, мадам Ж. Гийяр». Но что такое это «Ж»? Таня усмехнулась. Так ей никто и не сказал. Такую малость!

Сама мадам всех называла официально – с приставкой перед именем. Камилла для нее была «мадемуазель Камилла». Очевидно, как ближайшая соседка по Евросоюзу. Все остальные были «доктора». «Доктор Яна», «доктор Али-Абу, как вас там дальше...» и «доктор Таня», хотя по большому счету настоящим практическим врачом была только Таня.

...Так вот, когда они с Янушкой выпили по бокалу сухого, подруга рассказала, что у мадам Гийяр очки в золотой оправе.

– И еще у нее очень хорошие часы.

– Да? – переспросила Татьяна. – Должно быть, у нее хороший оклад.

– Про то, какой у кого оклад, здесь никто не знает, так же, как никто не должен знать, сколько выделено денег на работу тебе, Али, Камилле или мне. Между прочим, мне кажется, что Али и Камилле выдают денег больше, чем нам. Но я знаю точно, что у мадам Гийяр очень богатый муж.

– Неужели? – заинтересовалась Татьяна. – А чем он владеет? У него банки или, может быть, нефть?

– Какая нефть? Он же не шейх! – засмеялась Янушка. – У него какое-то химическое предприятие. Он им и управляет. Или даже целой сетью предприятий по производству чего-то химического.

– Или сетью химчисток, – улыбнулась Таня. – Хотя какая разница!

Она стала привыкать к тому, что прекрасная ухоженная Франция – вовсе не огромная Россия, в землю которой воткнешь лопату и навстречу тебе или брызнет нефтяной фонтан, или зашипит какой-нибудь газ, или посыплются уральские самоцветы в виде хотя бы медно-серной руды.

– Нет, правда, он баснословно богат! – заверила Янушка, приложив руку к груди. Таня приняла это к сведению и решила проверить при случае.

Случай представился спустя несколько месяцев. В прошлом году Таня решила устроить в лаборатории празднование своего дня рождения. Господи, какая она была наивная! Кому это здесь интересно! Смешно было и пытаться перенести русские традиции на французскую почву. И организовать все правильно она еще не умела, поэтому заказать столики в кафе-столовой при Центре попросила Али. Али очень хорошо говорил по-французски. Собственно, в бывшей французской колонии, где он родился, это был его родной язык. Таня же еще плохо разбиралась в названиях французских блюд, поэтому заказ сделал он и потом порхал по просторному залу, пританцовывая на тонких длинных ногах, составляя два столика у окна: ему не понравилось, как их поставили работники кафе.

Таня тогда перед перерывом прошла к мадам Гийяр.

– Приглашаю вас принять участие в празднике по случаю моего дня рождения.

– О, поздравляю! – удивленно приподняла брови мадам и пообещала прийти, но Али в помощь не отпустила. – Сделайте заказ по телефону, – посоветовала она приказным тоном.

Таня послушалась и передоверила это дело Али, который заказал по московским меркам нечто невообразимое. В результате оказалось, что есть было просто нечего, хотя заплатила она по полной программе. Маму бы выписать из Москвы, она бы устроила стол! Все бы вылезли от обжорства полуживые! А им принесли крошечные порции французского салата с сыром «Рокфор», фуа-гра, еще по маленькой кучке зелено-розового салата с копченым лососем и ломтиком авокадо, какие-то непонятные фрукты, которые Таня до этого ни разу не пробовала, но которые, очевидно, очень нравились Али...

Все сидели как на похоронах. Выпивали не чокаясь, ели не улыбаясь. Мадам Гийяр сухо произнесла: «За ваши успехи!» И только Али продолжал глядеть на Таню, сияя своей невозможной улыбкой. Потом Таня даже стала нарочно присматриваться к нему – как интересно у него устроен рот, что губы почти не прикрывают белоснежные длинные зубы, – Но оказалось, что в обычных случаях рот у Али спокойно закрывался. Иногда африканец за работой свистел, и тогда его губы без усилий складывались в толстую трубочку, и лицо уже не казалось перерезанным пополам ослепительной белой полосой.

... На том дне рождения за кофе Таня решила познакомиться с мадам Гийяр поближе.

– Куда вы ездите отдыхать летом?

Таня была уверена, что грамматически построила фразу правильно, однако мадам уставилась на нее так, будто Таня спросила, любит ли та есть живых лягушек.

– Зимой мы ездим навестить родственников, а летом – на море.

– Вы ездите в Ниццу? В Канны?

– Нет, – сухо пожевала губами мадам Гийяр. – В Каннах шумно и дорого, а в Ницце много американцев и русских. Мы отдыхаем ближе к Испании, в Лангедоке. Осенью – в Египте.

– Вы любите путешествовать?

– Нет, – помолчав, недовольно сказала мадам Гийяр. – Мы ездим отдыхать всегда в одно и то же место.

«Вот они, миллионеры, – подумала Таня. – Зачем тогда иметь много денег, если ездить отдыхать всегда в одно и то же место?»

Мадам Гийяр допила свой кофе и встала.

– Приятного аппетита, я жду вас в лаборатории!

Она ушла, а Таня подумала, что подарить имениннице какой-нибудь пустяковый сувенир никому и в голову не пришло.

Вот тогда Татьяна и спросила:

– А кто-нибудь знает, какое имя у мадам Гийяр?

Все посмотрели на нее так, будто она спросила нечто неприличное. Даже Али перестал улыбаться и спрятал зубы. Больше Таня об имени своей начальницы никого не спрашивала.

* * *

За соседним столом чихнула Камилла, и Таня очнулась от воспоминаний.

«Неужели Али меня тогда нарочно подставил с этим угощением? – подумала она. – А что? Вполне может быть. Уж больно у него все-таки слащавая улыбка».

Она задумалась. Работа не шла. На душе у Тани скребли кошки. Все-таки кто-то же залезает в ее компьютер? Скорей бы уж наступила хоть какая-то определенность. Долго эта мадам Гийяр будет ее мучить? Сказала бы «да» или «нет»? Тянут, тянут до последнего дня...

Тане вдруг ужасно захотелось уйти, погулять по Парижу. В конце концов, она ни разу за два года не брала освобождения по болезни. Кое-как досидев в лаборатории до обеда, она вошла за перегородку.

– Мадам Гийяр, простите, но я очень плохо себя чувствую. Можно мне сегодня уйти?

– Конечно. – То ли серые, то ли зеленые глаза в легкой сетке морщин из-за стекол очков смотрели на нее как на подопытное животное. – Но что с вами, доктор Танья?

– Мне кажется, у меня грипп.

– У вас есть медицинская страховка?

– Да.

– Покажитесь врачу.

– Хорошо, мадам Гийяр.

– Можете идти.

– Спасибо, мадам Гийяр. Я надеюсь, что завтра буду в порядке.

– Я тоже надеюсь. – Мадам Гийяр уже отвернулась к своему компьютеру.

«Скорей, скорей собрать сумку и бегом!»

С Али она опять столкнулась в дверях.

– Танья, ты куда?

– По делу.

А Камилла даже не повернула к ней свою коровью голову.

Скорее вызвать лифт и вниз. Похоже на бегство. Действительно, куда она бежит? От кого, зачем? Она не знает. Просто в этой дурацкой лаборатории смертельно надоело. Как быстро все-таки промчались два года! Она и Парижем-то насладиться как следует не успела. Да разве им можно насладиться? Таня почти выбежала из здания. Слава богу! Здесь уже не догонят. Нет, она просто сошла с ума. Кому это нужно ее догонять?

На улице над головой – ясное небо. Конец февраля, а ветер уже по-весеннему теплый. На краю фонтана сидят африканцы. Они сняли теплые куртки и остались в футболках. У девушек точеные шеи и тонкие руки, словно сделаны из черного дерева.

Свобода! Таня остановилась у лоточника и купила пакетик сладких орехов.

– Какая красивая девушка! – улыбнулся он, и Таня заметила, что у него нет переднего зуба.

«Выбили в драке, наверное, – подумала она. – Между темнокожими здесь постоянно случаются потасовки. За что они борются? За место под солнцем Парижа. Как и я. Я тоже борюсь, только по-своему».

Она отдала продавцу монетку, сунула пакетик в сумку. Ей захотелось встретиться с Янушкой и посидеть с ней в кафе, но Таня не стала ей звонить. Сказалась больной – значит, болей. Тут ни с кем нельзя откровенничать. Никогда не поймешь, что здесь считается плохо, что хорошо. Таня вздохнула. Просто паранойя какая-то! Всех приходится подозревать. Ох, нелегка ты, французская жизнь, нелегка!

Подошел автобус. Две остановки – и она уже в вагоне метро. Сесть в уголок, прижаться спиной к велюровой обивке сиденья. Поехали! Мелькают станции – «Порт-рояль», «Ваве», «Дюрок»... Таня вспомнила, как в первые недели в Париже уставала так, что чуть не засыпала стоя. Глаза закрывались сами собой, и несколько раз она явственно слышала: «Павелецкая», «Таганская», «Курская»... Она улыбнулась, прислушиваясь к объявлению дикторши. Да, теперь она почти парижанка – хорошо знает город, понимает язык. Жить бы да жить ... Женщина-диктор, будто в насмешку, сказала, как всегда после объявления станции: «Мерси!»

Таня приехала на левый берег. Вежливый господин уступил дорогу, она улыбнулась ему дежурной парижской улыбкой и вышла. Через несколько минут она уже шла по бульвару Сен-Мишель в направлении Люксембургского сада.

4

Уютно горит лампа под стеклянным оранжевым абажуром в крохотной московской кухне. За окном темно и вьюжно, но плещется вода в раковине, шумит чайник, чистится в клетке мистер Ризкин, перекладывает с лапы на лапу голову сенбернара Сеня. Тина не чувствует себя одинокой. Вот и Азарцев встал с постели, неслышными шагами подошел, замер в проеме кухонной двери, навалившись спиной на косяк.

– Тина, что ты делаешь?

– Мою картошку.

– Зачем?

– Чтобы сварить.

– А почему не чистишь?

– Вареные шкурки Сене в кашу добавлю. Так сытнее.

Он помолчал, постоял еще, переступая с ноги на ногу, покрутил головой. Раздельно сказал:

– Понимаю. Хочешь показать этими словами, что я подлец. Не могу заработать на жизнь. А я и сам знаю, что я под-лец.

Тину эти слова словно ошпарили. Она бросила картошку в раковину, подошла к Азарцеву, потянула за руку.

– Володя, давай-ка сядем.

Она чуть не насильно усадила его за стол, а усадив, обняла, прижалась щекой в выемку между его шеей и подбородком.

– Володя, что ты выдумываешь? Зачем наговариваешь на себя? Разве когда-нибудь я тебе говорила, что ты подлец? – Тина вдруг принюхалась и удивилась. – Да ты что, пьян? – Она слегка потрясла его за плечо. – Володя, где ты был?

Он поднял брови, впервые с момента прихода домой прямо посмотрел ей в лицо.

– Ну, выпил чуть-чуть. Две рюмки. Приятеля встретил. Зашли к нему, посидели.

– А где посидели?

– Да у него.

– Дома?

Азарцев помолчал.

– Я знаю, ты будешь недовольна. Посидели у него в мастерской.

Тина отодвинулась, удивленно посмотрела.

– Почему я должна быть недовольна? Я что, тебя контролирую? Просто я не знаю никого из твоих приятелей. Он что, художник?

Азарцев немного подумал, пожал плечами.

– Да. Можно сказать и так. Он держит мастерскую.

Некоторое сомнение скользнуло по лицу Тины. В Володиных словах слышалась какая-то неуверенность.

– Что за мастерская?

Азарцев усмехнулся.

– Большая мастерская. И он зовет меня работать к себе.

Тина встала, прошла опять к раковине, завинтила кран. Губы ее сами собой скептически поджались.

– Пол подметать?

Володя повернул голову, стал смотреть в окно сквозь занавеску. Чернота и пустота. Везде. И за окном и в душе.

Тина опять подошла, присела перед ним на корточки, заглянула в глаза.

– Я знал, что тебе не понравится эта идея. – Он взглянул на нее с каким-то непонятным вызовом. – Поэтому и говорить не хотел.

– А тебе самому она нравится?

Азарцев опять пожал плечами.

– Можно попробовать. Между прочим, этот мой приятель обещает приличный заработок.

Тина встала с корточек. «Непонятно, зачем этому приятелю понадобился Азарцев? Что, перевелись уже мальчишки на побегушках? Или студенты?»

– А где у него мастерская?

– На кладбище.

– Где?

– Он изготавливает надгробные памятники... Не сам изготавливает, он там хозяин.

– Ты что, с ума сошел?

– Бюсты, живописные скалы, композиции из камней. Ангелов на могилки детей теперь часто заказывают... Ты знаешь, я даже проверил себя. Он дал мне инструмент, и я несколько раз осторожно стукнул по голове...

– Приятелю?

И вдруг Азарцев засмеялся, чисто, звонко, как раньше. Давно уже Тина не слышала его смеха.

– Памятнику! Памятнику по голове!

– Зачем? – Тине на мгновение тоже стало интересно и радостно.

– Попробовать захотелось. Посмотреть, как работают. Просто так.

– И получилось?

– Получилось.

Она снова села на табуретку напротив него.

– Что получилось?

Азарцев пожал плечами.

– Нос получился. У Гриши, который там по граниту работает, нос не выходил. Представляешь, я чуть-чуть стукнул – и получилось.

Тина стала серьезной.

– Вы там, наверное, напились как следует! Хорошо хоть все памятники не расколотили.

– Нет, ты не понимаешь.

Азарцев начал рассказывать, а она вдруг подумала, что за последнее время он впервые говорит такими длинными фразами.

– Мы долго не виделись с этим приятелем. Со школы. Совершенно не встречались. Ни разу за двадцать лет. Он после выпуска в военное училище поступил, потом уехал. И тут вдруг встретились, и выяснилось, что у него эта мастерская. А я рассказал, что я хирург-косметолог. И его это очень заинтересовало. Он ведь не просто так дал мне по голове памятнику постучать. Он дал мне фотографию этого человека и сказал: «Убери с переносицы то, что считаешь лишним».

– И ты убрал?

– Убрал.

– И приятель остался доволен?

– Да.

– И он дал тебе в уплату за это хлеба и колбасы? Как бомжу?

– Тина, зачем ты так... Это просто осталось от закуски. Я хочу прийти к нему завтра снова.

– Зачем?

– Узнать, как и что. Там ведь не так все просто. За материал надо платить, за инструменты... он мне рассказывал.

– Подожди, Володя, я картошку в кастрюльку положу.

Тина вернулась к раковине, стараясь сохранить спокойствие. «Какой материал, какие инструменты? Зачем Володя опять лезет черт знает куда? Не проще ли попробовать опять устроиться по специальности? Кроме того, что он просто отличный косметический хирург, он же еще очень редкий специалист по пластике ожоговых рубцов. Таких врачей в Москве – раз, два и обчелся, по пальцам можно пересчитать! А что такое кладбищенская мастерская? С его-то депрессией? Кругом кресты, черный мрамор... Да он сопьется! Нет, этого никак нельзя допустить».

Тина бросила в воду картошку. Не зная, как начать разговор, взяла нож, отрезала Сене кольцо колбасы. Азарцев посмотрел на нее, ничего не сказал, встал и вышел из кухни. Она видела, он прошел в комнату и снова лег на постель. Закрыв глаза. Сложил руки на груди. Будто мертвый.

Зазвонил телефон. Тина даже обрадовалась этой паузе. Только не надо рубить с плеча. Она должна найти аргументы, чтобы Володя выбросил из головы идею с кладбищем.

Как приятно звучит в трубке голос Барашкова! Все-таки Аркадий – замечательный человек! Позвонил – и от одного его голоса кажется, что все проблемы на свете можно решить.

– Ну что, Тина, пора тебе возвращаться к нам на обследование. Когда ляжешь?

Она призадумалась. Многие проблемы можно решить – только вот с этой загвоздка. Вообще-то Толмачёва ждала этого звонка весь февраль. Действительно, пора пройти обследование после операции. Но у нее нет денег. Попробуем пошутить. Еще не хватало, чтобы Аркадий узнал истинную причину ее отказа.

– Неужели ты соскучился?

– Еще как! Без тебя, Тина, в отделении скукота и пустота.

– Ну, потерпи еще немножко. Я сейчас не могу залечь. Очень много у меня сейчас всяких дел.

– Какие могут быть дела важнее здоровья? Давай-ка, Тина, не шути и не отнекивайся.

Валентина Николаевна задумалась. Шуточки шуточками, но положение сложилось двойственное: и ложиться нужно, и напрягать родителей и знакомых нельзя. Особенно Аркадия. Он и так сделал для нее все, что мог. Коммерческая медицина жила по своим законам, Тина это прекрасно понимала. Родителям она тоже ничего не говорила, у них и так с ней было много хлопот. Так дни шли за днями, а она все откладывала поездку в больницу.

– Тина, я должен знать, когда ты ляжешь, чтобы зарезервировать для тебя место.

Она растрогалась. Вот человек! Давно уж не работают вместе, а он все еще заботится о ней.

– Аркадий, милый! Как у меня что-нибудь прояснится, я тебе обязательно позвоню.

В голосе Барашкова послышалась легкая обида.

– Тина, ты поступаешь легкомысленно.

– Нет, нет, я правда позвоню!

Он смягчился:

– Ну а наш сенбернар-то как поживает?

Тина улыбнулась:

– Нормально. Только теперь он уже не ваш, а мой.

– Тем лучше!

Аркадий простился. Тина в ответ нарочно громко сказала «Целую!» и бросила быстрый взгляд в сторону Азарцева. Тот и бровью не повел. «Может, уснул?» Она вернулась к плите, потыкала вилкой картошку. Почти готова.

– Володя, идем ужинать.

Нет ответа.

Она стала расставлять тарелки, подстелила салфетки. Ничего, что ужин небогат. Зато на столе чисто, красиво. Тина задумалась: стоит ли ее Володя того, чтобы тратить на него жизнь? И ответила себе: стоит. Он – редкий талант в своем деле, Огромный, уникальный талант. Но, кроме таланта, у него больше ничего нет, его собственную клинику и родительский дом – все отобрали. И желание оперировать у него исчезло. Сколько раз она ему говорила: «Володя, ты только пойди куда-нибудь, скажи, что хочешь где-нибудь устроиться на работу. Тебя с руками оторвут...» Он только усмехался: «Кому я нужен? Во всех клиниках – свои люди. Никто теперь не подвинется, чтобы дать мне место. Ведь место – это деньги. Кто же отдаст мне своих больных?»

«Но ведь ты безумно талантлив! Ты знаешь анатомию, видишь, как никто другой, как можно исправить, улучшить черты лица. Ты не идешь на поводу у желаний больных, но ты всегда знаешь, как сделать лица ярче, индивидуальнее. Это дано немногим пластическим хирургам. Ты работаешь как художник, как скульптор...» – Тина мысленно осеклась. Ведь и она сама сказала это слово. Скульптор... Но одно дело – быть скульптором в операционной, а другое – на кладбище. Может, недаром Володя ей говорил, что видеть не может больше больных? Больные – они ведь живые. Неужели его тянет к смерти? Она даже вздрогнула от этого предположения.

– Если у нас совсем нет денег, хочешь, я пойду разгружать вагоны?

Как она не заметила, что Володя встал? Он уселся за стол, а она не понимала, шутит он или всерьез.

– Какие вагоны? Конечно, не хочу! Денег у нас действительно практически нет, но ты не должен портить руки. У хирургов руки должны быть еще более чувствительные, чем у пианистов.

«Или у скульпторов», – вдруг мысленно добавила она.

Азарцев промолчал и потер себе лоб.

– Мне кажется, я больше никогда не смогу работать с больными. У меня такое чувство, что все они хотят меня использовать. Сожрать, высосать и выплюнуть. Я их стал ненавидеть.

Тина даже обрадовалась такому признанию. Положила на тарелку пару картофелин, сама почистила, посыпала солью.

– Полить тебе подсолнечным маслом? У нас еще есть. Целая бутылка.

– Не надо. – Он перебросил картошку со своей тарелки в Тинину. – Я сегодня уже ел. Это тебе.

– А я не хочу.

– И я не хочу.

Тина бросила картофельные шкурки в Сенину кашу, насыпала в миску собаке сухой корм, поставила на пол. Сенбернар, наклонив голову, грустно посмотрел на нее круглым коричневым глазом и не сразу, но начал есть.

«Мяса хочет, – подумала Тина. – А до следующего срока платежа за квартиру еще неделя, – мысленно подсчитала она. – Держись, песик. Надо держаться!»

Азарцев без аппетита ковырял вилкой в картошке.

«А ведь и он здорово похудел», – с болью отметила Тина и снова начала свою пропаганду.

– Если бы ты знал, какие страшные мне перед операцией снились сны! Мне снилось, что ко мне в отделение поступают все новые и новые больные, а я не знаю, что с ними делать! Не помню ни болезней, ни названий лекарств... Но это пройдет, Володя. У меня же прошло. Это все последствия стресса. Хочешь, мы можем обратиться к психиатрам?

– Тина... – Он укоризненно посмотрел на нее. – Когда с тобой было то же самое, я же не тащил тебя к психиатрам?

Она замолчала. Действительно, он никуда ее не тащил. Он приносил ей деньги и оставлял в покое. Теперь она должна сделать то же по отношению к нему. «Время! Нужно время.

Я должна просто ждать. Ничего. Как-нибудь образуется! – утешала она себя. – Я буду экономить, выкраивать, комбинировать, придумывать всякие разности, чтобы – самое главное – всех накормить. Ничего, обследование мое потерпит. Я чувствую себя не так уж плохо. Гораздо лучше, чем перед операцией. Просто пока боюсь надолго выходить из дома и боюсь упасть. Ничего, все образуется...»

И, помыв посуду и отправив Володю спать, еще пошла погулять с собакой, потом на ночь почистила клетку мышонка и уже в ванной перед сном, порядком устав, долго разглядывала свое лицо в зеркале. А кем она сама могла бы работать? Еще полгода назад она, совсем как сейчас Азарцев, и слышать не хотела о врачебной работе. А сейчас бы пошла. Не из-за себя. Из-за своего Ноева ковчега. Только ведь снова в реанимации она не потянет – свалится через месяц. Она прекрасно помнит тамошние дежурства – день да ночь, день да ночь... нет, лучше не позориться, даже не начинать.

Тина отошла от зеркала на два шага и пригасила верхний свет. Что ж, если близко не подходит – она еще ничего. Веселый вздернутый нос, золотистые волосы, зеленые глаза... И хорошо, что она похудела, но не очень – не надо покупать новую одежду.

5

«Конечно, во Франции тоже непросто жить, – думала Таня, сидя в небольшом кафе на улице Сен-Жак. Она немного отклонилась от своего маршрута в сторону Люксембургского сада – уж очень ей нравился Латинский квартал. Здесь она жила первые недели после приезда. – Жизнь дорогая, люди закрытые, никто не откроет тебе дверь, чтобы ты поплакала в жилетку...»

Интересы французов корпоративны, как и у нас: парижане существуют отдельно, провинция живет своей жизнью, а уж про колонистов и говорить нечего – в каждой колонии свои законы. Зато все уже отработано, систематизировано, многое пройдено, пережито многочисленными прошлыми поколениями – и законы, и правила, и манеры, и привычки. Сначала Римская колония, потом церковное иго, потом монархия, потом империя, потом коммуна, наконец, республика... Возраст, отличающийся от российского на тысячу лет, что-нибудь да значит. Вон она сама проработала врачом только два года, а ни у Али, ни у Янушки, ни у Камиллы такого опыта вообще нет. И когда она, Таня, пишет выводы о возможном практическом применении чего-либо, мадам Гийяр читает этот раздел оч-ч-чень внимательно.

Подошла официантка. Таня заказала сэндвич и чашку кофе. Девушка улыбнулась и отошла, сделав короткую запись в блокнотике.

Жаль, что в лаборатории не принято обсуждать результаты опытов вслух. Понятно, что все друг другу конкуренты. И у каждого есть свои положительные стороны. Камилла необыкновенно старательна, аккуратна, пунктуальна и неглупа. Она идеально подходит для работы референтом – у нее порядок во всем, всегда все разложено по пунктам, она всегда все помнит, любую информацию вносит в компьютер, в соответствующий раздел. Французский климат Камиллу тяготит, но она вовсе не собирается сдавать свои позиции. Али – весельчак, полиглот, подвижный, как ртуть. Кроме общих для лаборатории опытов он еще экспериментирует с какими-то своими африканскими порошками – растительными экстрактами. При этом у него всегда таинственный вид, и Янушка даже как-то сказала, что по виду он никакой не ученый, а шаман. На любой вопрос Али умеет на восьми языках ответить: «Не знаю», Таня давно поняла, что спрашивать его о чем-либо бесполезно. Хотя иногда Али проявляет удивительную осведомленность и сообразительность, если считает нужным это показать. И лишь одна Янушка предупредила заранее мадам Гийяр, что не собирается оставаться в Париже. Таня вздохнула. Уедет Янушка – ей будет совсем одиноко.

Официантка принесла заказ. Таня наклонилась над чашкой, с удовольствием вдохнула горячий пар. Хороший все-таки кофе почти во всех парижских кафе! На мотоциклах к Сорбонне подъезжали студенты, группа корейских туристов задрала головы на вывеску улицы – наверное, искали Пантеон.

Таня усмехнулась. Родителей умиляло, что их дочь первый месяц жила неподалеку от улицы Клода Бернара – основоположника патологической физиологии, – где когда-то располагалась его лаборатория. «Какие в жизни бывают приятные совпадения!» – сказал по телефону Тане отец, занимавшийся патологической физиологией всю свою жизнь. Знал бы папка, что комнатка, хоть и называлась студией, представляла собой узкий пенал с окном, выходящим на крышу, в квартире, которая по московским понятиям называется коммунальной. Там не было ни кухни, ни ванной. Небольшая ниша в углу, отделенная занавеской, с дырками в полу обозначала душ, а для того чтобы приготовить кофе, на маленьком столике у окна стояла небольшая плитка. О том, чтобы сварить на ней, например, суп, не могло быть и речи.

Наслаждаясь хорошей погодой, вокруг Тани сидели люди – мужчины и женщины; молодые и немолодые, разговаривали о чем-то, смеялись. У двери в кафе расположился парень с неизвестно откуда выкопанной древней шарманкой. Он сидел на стуле, а для привлечения публики у его ног в деревянной кукольной постели под розовым одеялом, не обращая никакого

внимания на заунывные звуки, спали черный кот и белая собачка. У ног шарманщика лежала помятая шляпа.

«Чем живут эти люди? Почему они так спокойно здесь сидят, никуда не торопятся? – думала Таня про посетителей кафе. – Сословие клерков парится по конторам. Сфера обслуживания проводит дни на ногах от открытия до закрытия. Художники, скульпторы сутулятся в музеях и галереях или пытаются продать свои творения на блошиных рынках. Учителя проводят время в школах, врачи – в больницах, рабочие – на заводах. Интересно, люди каких занятий тратят свои лучшие часы в кафе? – Она допила кофе и засмеялась. – Может быть, кто-нибудь точно так же думает обо мне! Что, мол, здесь делает эта молодая женщина? Откуда она приехала, туристка она или кто?»

Таня задумалась. Хотела бы она проводить время свободно? Ездить, куда хочет, гулять, где хочет? Не выходить из дома, если на улице дождь. Не париться на работе в прекрасную погоду, а ехать за город, где поют птицы и имеется множество прелестных мотелей и гостиниц для путешественников и на пару дней, и на пару месяцев.

«Кто его знает, – как-то неопределенно подумала она. – Надо попробовать, чтобы решить, понравится мне это или нет».

Она подозвала официантку и, как уже много раз, отметила ее не напускную вежливость и искреннюю благодарность за чаевые.

Таня вышла из кафе и пошла дальше мимо Сорбонны. Симпатичные девочки и мальчики сидели на ступенях и на тротуарах и говорили о том же, о чем говорят студенты во всем мире, – где разжиться деньгами, как лучше подработать, сдать экзамены, где встретиться с девушкой... Таня с сожалением думала, что ее молодость уже, увы, прошла, и для этих юных мальчиков и девочек она уже взрослая тетка, непонятно зачем забредшая в их цветущую юность. Неожиданно их проблемы показались ей довольно скучными, и Таня поняла, что совсем не хочет возвращаться в глупую молодость, а хочет какого-то определенного положения.

Прямоугольник Люксембургского сада, относительно небольшой, был весь осенен нежной зеленью раскрывающихся почек. Чаша фонтана была наполнена водой, и дети в курточках пускали по волнам старинные парусники, взятые напрокат в небольшой будочке.

Таня подвинула к воде тяжелый стул с коваными ножками, уселась, сняла туфли, закинула ноги на бордюр фонтанной чаши. Снова вытащила мобильник. На этот раз ей повезло – ответил голос мамы.

Как здоровье, как дела – в парижском далеке слова не имели для Татьяны особого значения. Правды ведь ей все равно не скажут, даже если и случится что-то плохое. Ей был важен сам мамин голос, живой, действующий на уровне подсознания. Дающий ощущение того, что она, Таня, не одинока в этом мире, что она любима, что у нее есть дом и там ее ждут. И, не осознавая этого, она готова была слушать мамин голос еще и еще, будто зверек, выдернутый из гнезда, тоскующий по ночам и ищущий пропахшую матерью тряпку.

– А еще какие у вас там новости?

– Вчера случайно встретила в магазине твою Машу. Неплохо выглядит, хоть и растолстела.

– Какую Машу?

– Ну что ты, не помнишь? Вы еще вместе в больнице работали... Ты ее Мышкой звала. Она теперь, кстати, заведует вашим отделением.

Таня засмеялась.

– Ах, мама, если бы ты знала, как мне сейчас безразлична эта Мышка! Я соскучилась по вас с папой. Кстати, он дома?

– К сожалению, нет. Ты ведь нас чудом застала. Мы с папой идем на концерт. Он уже во дворе прогревает машину. А ты собираешься приехать?

Таня задумалась на минутку, но твердо сказала:

– Да, собираюсь!

– Когда?

– Еще не знаю точно. Как будут складываться дела. Но, думаю, не раньше, чем через месяц.

– Мы тебя будем ждать. Пока.

– Пока. А куда вы идете?

Но последний Танин вопрос потонул в океане радиоволн. Связь прервалась, и мамин голос исчез. Таня вздохнула и, несмотря на то что уже потянуло вечерней свежестью, осталась сидеть у фонтана. И мысли ее, вопреки словам, витали в прошлом.

«Мышка-то теперь заведующая отделением, черт побери! – думала Таня. – Как она там? Посмотреть бы, во что одета, как выглядит?» Таня отчетливо вспомнила невысокого роста девушку с хвостиком на затылке, всегда одетую во что-то серенькое, молчаливую до такой степени, что слова не вытянешь. Надо же, Мышка – и на руководящей работе! И где теперь, интересно, Валентина Николаевна, Барашков? Все-таки вместе с ними она провела целых два года!

Ветерок направил струю фонтана в ее сторону, и Таня спрятала кисти рук в рукава куртки, чтобы не промокнуть.

– Вы, наверное, парижанка, – вдруг раздался над ухом чей-то голос. Таня обернулась и увидела, что возле нее в какой-то насмешливо-почтительной позе стоят двое мужчин, впрочем, довольно приличного вида. Один из них как раз и произнес эту фразу с ужасным акцентом. Коснофранкоязычный господин был небольшого роста и чрезвычайно худ. Blondинистые редкие волосы были гладко зачесаны набок, что вместе с почтительно-хитроватым взглядом придавало ему вид тертого в делах лиса.

– Не покажете двум провинциалам, как пройти к Елисейским Полям?

Тане показалось, что Лис с этими словами даже шаркнул ножкой, обутой в дорогой ботинок.

– Это довольно далеко. Нужно ехать на метро, – нерешительно сказала Таня.

– Ну, на метро... – недовольно сморщил вытянутый носик Лис.

Второй господин молча стоял рядом. Лицо его оставалось серьезным, но все-таки что-то еле уловимое в позе, а еще более – в чуть прищуренных глазах уже не очень молодого и, видно, опытного человека показалось Тане подозрительным. Возникло ощущение, что ее пытаются обмануть. Она внимательно всмотрелась в его треугольники бровей кустистым домиком, оценила проблеск седины на висках, на языке парикмахеров и собаководов «соль с перцем», и с неудовольствием подумала: «Напились, наверное, вот и пристают». Но лицо этого, высокого, с бровями показалось ей смутно знакомым.

– Не хотите ли прогуляться с нами к Елисейским Полям? – качнулся к ней Хитрый Лис.

Тане еще год назад ужасно льстило, если вдруг у нее спрашивали дорогу, как правило, американские туристы. Ей доставляло удовольствие объясняться с ними по-английски, вставляя в речь французские названия. Благодаря Янушке, она неплохо знала Париж и с удовольствием козыряла этим. Но сейчас, после разговора с мамой, после мыслей о доме, о Мышке, незнакомцы показались ей прилипалами, ловцами приключений, любителями клубнички.

– А не пошли бы вы куда подальше! – по-русски сказала Татьяна и, гордо перекинув сумку через плечо, встала и попыталась обойти мужчин.

– Ну, я же тебе говорил! Москвичка! И нечего было спорить, – вдруг сказал на чистейшем русском тот, что был повыше и постарше, с седой щетиной.

– Каюсь, не разобрал сразу! Прошу извинить, – нарочито закивал головой Лис. – Я-то думал, что хохлушка. Только крашенная. Готов понести наказание за самонадеянность!

– Какого же черта вы тут комедию ломали! – Возмущенная Таня остановилась и уставилась на незнакомцев.

– Подурчиться решили, простите идиотов! – миролюбиво сказал седоватый. – В Париже так и тянет на приключения. Что, вообще-то, нам не свойственно, вы не подумайте. – Седоватый смотрел на Таню шутливо и вместе с тем изучающе. – Мы шли с приятелем да и поспорили, какой национальности самые красивые девушки в Париже. А тут вы сидите. Я посмотрел на вас и сказал: «Москвичка!», а вот он, остолоп, стал утверждать, что вы с Украины.

– Откуда-нибудь из Днепропетровска! – добавил Лис. – Я сам оттуда родом. Там оч-чень красивые девушки!

Таня не знала, рассердиться ей или рассмеяться.

– А как вы определили, что я из Москвы?

В мужчинах она не чувствовала больше опасности и спросила это без кокетства, без напрашивания на комплимент. Заданный тон был принят. Лис прекратил изгибаться и спокойно встал рядом с товарищем. Со стороны можно было подумать, что они ведут обычный, несколько шутливый разговор.

– Да я как глянул, как вы сидите здесь на скамейке – одинокая, грустная, задумавшаяся о чем-то своем, – сообщил седоватый, – так сразу понял: так сидеть может только русская женщина.

– Я это тоже понял! – сказал Лис. – Только я подумал, что вы здесь на работе, – без обиняков добавил он. – Нет?

Таня посмотрела на него с недоумением.

– Вы меня за проститутку, что ли, приняли? – Она так удивилась, что даже не сумела как следует рассердиться. – Сразу видно, что вы Парижа не знаете. Здесь проститутки на лавочках не сидят.

– А где они сидят? – с подковыркой спросил Лис, и Таня вдруг поняла, что он притворяется, все ему на самом деле прекрасно известно. Она уже хотела сказать что-то резкое, как седоватый бросил Лису: «Помолчи!»

– У меня мать вот так, задумавшись, сидела в деревне на завалинке под Рязанью, – сказал он серьезно. – А почему я подумал, что вы из Москвы... – он сделал паузу. – Так это я просто так сказал, наугад!

Седоватый вдруг весело рассмеялся, и у него запрыгали от смеха щеки и подбородок, и дрогнул немаленький уже живот, выглядывающий из дорогого пиджака.

– Вот ведь надул! – хлопнул себя по коленкам Лис, будто в полном восторге. – Вот ведь умеете вы надуть, Филипп Иванович! А ведь я поверил, честное слово, поверил! – Лис еще долго крутил потом головой.

– Филипп Иванович, – протянул седоватый для знакомства руку Тане.

– Таня. – Она почувствовала, что он на самую малость задержал ее руку в своей.

– А вы что делаете в Париже, Таня? На экскурсии?

– Нет, работаю здесь. Я на стажировке, – произнесла Таня не без некоторой гордости.

– Неужели у кинозвезд бывают стажировки? – тут же вылез вперед Хитрый Лис. – А-а-а, мы догадались, вы модель!

– Я врач, – улыбнулась Таня грубой лести. – Стажируюсь по клинической биохимии.

– А у меня дочка тоже врач, – сказал седоватый.

– Бывают совпадения. Мне пора.

Таня действительно собралась уходить. Лис со значением взглянул на седоватого.

– Знаете, – седоватый осторожно взял Таню за руку. – Вы нас не бойтесь. Мы безобидные. Поедьте с нами на Елисейские Поля! Мы скоро уезжаем, собрались там поужинать. Составьте нам компанию!

Таня попыталась решительно отказаться.

Хитрый Лис тоже состроил самую серьезную мину.

– Без всяких задних мыслей, – сказал седоватый и отпустил руку Танину. – А потом мы вас доставим, куда скажете.

Таня заколебалась: она никогда не была в дорогих ресторанах на Елисейских Полях, с Янушкой они довольствовались маленькими кафе. Задумчиво вздохнула. Люди, кажется, различные.

– Значит, едем! – покровительственно улыбнулся седоватый.

– Метро в ту сторону! – показала Таня и собралась вести своих спутников к бульвару Сен-Мишель.

– Поедем на такси!

Филипп Иванович как бы просительно подмигнул Тане, и она остановилась в нерешительности.

– Тогда нам лучше выйти на улицу Вожирар...

– Да, как скажете.

Лис, моментально определив направление, обогнал их и, когда Таня с седоватым вышли из сада, тут же остановил такси.

– К площади Согласия или к Триумфальной арке? – Таня вопросительно посмотрела на Филиппа.

– Где попримечнее, – заметил Лис, и Таня велела таксисту остановиться посередине, у так называемой Клумбы.

– Если столик не заказан, в пафосное место не пустят, – на всякий случай предупредила она. – Да и я в своей куртке не пройду дресс-контроль.

– Да ради вас, Танечка, мы и не пойдем сейчас в самое пафосное место, – успокоил ее Хитрый Лис.

Потом Таня не смогла бы вспомнить в деталях, как выглядел ресторанный зал. Место действительно оказалось не самое пафосное, но все равно с яркой позолотой, обилием цветов, картинами на стенах и роскошно оформленным меню с винной картой. Она была напряжена, и даже вино (какое-то, по ее понятиям, безумно дорогое) не могло снять напряжение. По спокойной простоте манер, с которой оба ее спутника держались в ресторанном зале, она определила, что они достаточно часто бывают в таких местах. Но и Тане не хотелось показаться пустышкой. Она скромно поддерживала разговор, сдержанно улыбалась шуткам, которыми перекидывались Лис и седоватый, но не расслаблялась и в дешевое кокетство не ударялась.

Вечер удался. Скучно никому не было. Филипп Иванович расспрашивал Таню о ее работе, о родителях, о Париже... Лис налегал на еду и внимательно слушал. Как Таня узнала потом, он оказался очень знающим и тонким юристом.

Когда они вышли на улицу, был уже поздний холодный вечер. Таня подняла воротник куртки, запрокинула голову. В зареве огней совсем не было видно неба, только высоко вверху шумели кроны платанов. Ветер подхватил ее длинные светлые волосы, запутал их и стал развевать, как флаг. Таня схватилась за голову обеими руками, закрутила волосы в жгут, спрятала под куртку. Филипп Иванович с прищуром следил за ней, за ее руками, за фигурой, за тем, как она быстро убирает волосы и со лба.

– Пройдемся, Таня?

Седоватый кинул взгляд на Лиса, и тот, сославшись на усталость, умчался на такси к себе в гостиницу.

Таня вытащила из сумки косынку, повязала на голову, в нерешительности остановилась. Филипп Иванович весело подмигнул ей. Таня не возражала пройтись. «На таком ветру вполне могу подхватить инфлюэнцу, как и соврала сегодня мадам Гийяр», – весело подумала она.

– Мне ведь, Танечка, нужна ваша помощь, – доверительно склонился к ней Филипп. – Помогите мне выбрать подарок для дочери.

Таня с интересом взглянула на него, а сама подумала: «Врет!» Такой человек вполне сам может выбрать подарок. Были бы деньги, а уж подарок из Парижа... Достаточно зайти в любой магазин.

– Хорошо! – Она повыше застегнула молнию на куртке. – В какой магазин пойдём?

Вокруг шумела яркая, разноязыкая туристическая толпа. Тане было приятно чувствовать себя ее частью, беззаботной и легкой. Однако она подумала и добавила:

– Но я должна вас предупредить, что цены здесь безумные.

– А мы посмотрим, – взял ее под руку Филипп Иванович.

Впереди горела огнями Триумфальная арка. Инстинктивно Таня повернулась в ее направлении. Вдруг около тротуара остановилась сияющая длинная машина. Задняя дверца салона открылась, оттуда высунулась тонкая рука, унизанная блестящими перстнями. Рука разматывала тонкий поводок. Тут же с визгом из машины выскочила маленькая, трясущаяся, будто студень, собачка, присела на краю тротуара, сделала свои дела, секунду поскребла задней лапкой по голому асфальту и с прежним визгом запрыгнула обратно в машину. Рука захлопнула дверцу, машина умчалась. Таня посмотрела машине вслед, и ей почему-то расхотелось ходить по магазинам.

«Пора домой, пока действительно не простудилась, – подумала она. – Еще заскочу к Янушке, если она не спит. А этот, – она мысленно кивнула в сторону своего спутника, – вполне может пройтись по магазинам сам».

– О чем задумались, Танечка? – Он оказался чутким, этот Филипп Иванович.

– Вы меня простите, но я замерзла, и мне пора. Вы ведь придумали насчет дочери?

Он удивился.

– Нисколько не придумал. Дочка у меня – приблизительно ваша ровесница и, между прочим, тоже врач.

– Вот как... – Тане стало неудобно. – Ну, я не знаю, как быть. Мне действительно пора. Завтра рано вставать на работу, а магазины сейчас работают очень немногие. Только самые пафосные. И не факт, что мы в них что-нибудь найдем.

Филипп Иванович испытующе смотрел на нее. Тане стало еще неудобнее.

– Ну честное слово! Вы завтра сами сходите на улицу Мира, или в «Лафайет», или пройдитесь по Риволи...

– Так, – Филипп Иванович притянул ее к себе за воротник куртки. – Не хитри. Не хочешь оставаться со мной – твое дело. Где у тебя мобильник? Записывай телефон.

Таня сразу отметила этот свойский покровительственно-хозяйственный тон, в котором вовсе не нуждалась, но какая-то сила не позволила ей возражать. Не узнавая себя, она послушно вытасила мобильный.

– Записывай, – Филип Иванович надиктовал ей номер. – Если надумаешь – позвони. Я буду в Париже еще неделю.

Таня молча спрятала телефон.

– До свидания. И спасибо за ресторан.

– Вам спасибо.

Он вдруг опять шутливо склонился, как в первый раз, в начале их встречи. Таня повернулась и хотела бежать к метро.

– Постой! – Филипп Иванович подошел к обочине и поднял руку, подзывая такси. На улице было холодно для прогулки в одном костюме, а он еще и расстегнул пиджак. Тонкая рубашка белела на груди, а модный галстук, лихо заброшенный ветром, лежал на плече. «Совсем, как в песне «Милорд», – подумала Таня:

Votre foulard de soie
Flottant sur vos épaules

Vous aviez le beau rôle
On aurait dit le roi
Vous marchiez en vainqueur
Au bras d'une demoiselle
Mon Dieu! qu'elle était belle
J'en ai froid dans le coeur»⁴.

Таня представила свой замерзший красный нос. Да, похоже, Эдит Пиаф пела не про нее. Такси остановилось. На крыше горел белый плоский фонарь, означавший, что машина свободна.

– Говори адрес!

Таня наклонилась к водителю, назвала. Шофер посмотрел на Филиппа Ивановича и вышел из машины – открыл перед Таней дверцу заднего сиденья.

– Вот так-то лучше, – сказал Филипп Иванович и протянул Тане деньги.

– Не надо, у меня есть, – сказала она и села в машину, хотя поездка на такси в ее пригород съела бы Танин недельный бюджет.

– Ладно-ладно! – Деньги отправились в сумку.

Шофер посмотрел в зеркало на Таню.

– Поехали, – буркнула она.

Такси тронулось. Филипп Иванович остался стоять у бордюра, и светлый галстук все так же развеялся у него на груди. А Таня все вспоминала его умный спокойный взгляд из-под кустистых бровей и не могла догадаться, кого же он ей напоминает.

---

⁴ Ваш шелковый платок /Развеялся на плечах, /Ваша роль была прекрасна, /Вы словно были королем... /Вы шли самодовольно /Под руку с девушкой. /Боже! Как она была красива, /От этого похолодело у меня в сердце (фр.).

6

Аркадий Петрович Барашков – штатный доктор коммерческого отделения «Анелия» при большой городской больнице – положил на рычаг трубку отделенческого телефона и задумался. Только что он звонил Тине Толмачевой – по поводу ее возможной госпитализации. В течение примерно семи лет Валентина Николаевна была его заведующей, другом, любовницей и коллегой. Теперь же он как был врачом (хорошим, между прочим), так им и остался, а вот в Тининой жизни произошли колоссальные изменения. Их производственный роман прервался спокойно, без эксцессов (за это Барашков был Тине особенно благодарен). Их любовь была скорее дружбой с примесью секса, чем безумной страстью. И когда Тина дала ему понять, что не хочет продолжения, он не только с этим смирился, но даже, пожалуй, обрадовался. Он был женат, Тина – замужем, и хоть ее брак тогда расстроился (не из-за их романа, кстати, из-за другого мужчины), ему удалось сохранить и с собственной женой, и с Тиной прочные, хорошие отношения. С женой – семейные, с Тиной – коллегиальные. Он даже не ревновал Тину к этому другому мужчине. То, что прошло, вернуть невозможно. Но его ужасно раздражало, что этот другой относится к Тине неподобающим образом.

Время от времени Аркадий виделся с Тиной. Отделение их сначала закрыли, потом преобразовали в коммерческое. Валентина Николаевна ушла тогда из принципа, а его, Барашкова, уговорила остаться. Она считала, что именно он достоин стать ее преемником. Но главный врач распорядился по-другому. Он сделал новой заведующей отделением Машу – в то время еще сопливую девчонку, которую все они в отделении звали Мышкой. Правда, не обошлось без влияния Машиного отца. Кем он у нее был, не знал в отделении никто, но в нужную минуту отец всегда выпрыгивал, как черт из табакерки. И за эти два года начальствования Марья Филипповна Одинцова очень изменилась – стала совсем не похожа на прежнюю девочку с хвостиком на затылке. Появились уверенность, спокойная рассудительность ответственного руководителя... Впрочем, на Машу Барашков был не в обиде.

Он по-прежнему считался лучшим врачом в отделении. А вот с Тиной случилась беда. Именно Барашков был свидетелем ее тяжелого приступа, развившегося в кому. Причиной послужила маленькая опухоль. Маленькая, да как говорят, удаленькая. Хоть и доброкачественная, а расположенная в таком месте в надпочечнике, что чуть не оборвала Тинину жизнь.

У Аркадия до сих пор холодело сердце, когда он вспоминал Тинину операцию. К счастью, и оперировали Тину по старой памяти здесь, в больнице, и наркоз давал он сам, и выхаживали в их отделении. Правда, работал с ними радикальный борец за коммерциализацию всей медицины – доктор Владислав Федорович Дорн, но он, Аркадий, на этого деятеля мало обращал внимания. Чего не скажешь о засидевшейся в девках Мышке, задумался Барашков. Как-то уж надолго в последнее время застревает красавчик Дорн в ее кабинете. Аркадий вздохнул. Черт с ними, в конце концов, это их дело. Его гораздо больше беспокоила Валентина Николаевна. Почему-то она упорно не хотела ложиться на обследование.

Аркадий предполагал почему. Наверное, все-таки дело было в деньгах. Аркадий знал, что Тина не работала, работать она пока физически не могла, но и ее «друг» и сожитель Володя (Аркадий всегда морщился, когда вспоминал о нем) тоже не особенно упирался.

Он как-то напрямую спросил Тину, что такое происходит с этим ее «другом». Боже, с каким драматизмом поведала она азарцевскую историю! Барашков при этом чуть не рассмеялся. Чего у нас только в стране не бывает! Отбирают не только косметологические клиники, а целые отрасли производства, что же теперь, всем вешаться? Вот и нашел прекрасный выход этот «друг» – повеситься больной женщине на шею! Но черт бы с ним, если бы у самого Барашкова были деньги. Он, не задумываясь, дал бы Тине сколько нужно на обследование. Но денег у него не водилось, а затягивать с госпитализацией было нельзя. По больнице ходили странные

слухи. Кто-то рассказывал, что главный врач в приватной беседе жаловался, что Маша заведование «не тянет» и он держит ее до сих пор потому, что не хочет связываться с ее папашей, кто-то предполагал, что с проведением реформы ОМС все коммерческие отделения в больницах просто прикроют... В общем, волноваться было из-за чего. Но самое главное, Барашков знал Тинин характер: для любого больного она могла в лепешку разбиться, а для себя – пальцем не пошевелит. Нет, любым способом надо заманить Тину в больницу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.